

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
1. Мир вокруг Магеллана	15
2. Становление путешественника	56
3. Траектория предателя	97
4. Как собрать флот и испортить его	140
5. Жестокое море	183
6. Виселица в заливе Сан-Хулиан	221
7. Врата славы	260
8. Бесперывный ветер	294
9. Смерть как перформанс	324
10. Последствия и апофеоз	360
Примечания	400

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неудача не делает человека счастливым, но может принести ему славу. Метафорически говоря, за распятиями часто следуют воскресения. Иногда падению придает величие частичный, но впечатляющий успех, как то было с Александром или Наполеоном. Магеллан — личность исключительная, поскольку его провал был полным. Но и его слава кажется непоколебимой.

Португальцы, среди которых он вырос, и испанцы, к которым он принадлежал по праву натурализации, называют его своим соотечественником. Но его в прямом смысле глобальное значение, кажется, превосходит любой национализм. Многие страны собираются отметить 500-летие со дня его гибели [1]. Его имя — судя по его популярности среди профессионалов в области PR — знают абсолютно все; оно вызывает ассоциации с наукой, предпринимательским духом и достижениями. Его имя с гордостью — или по меньшей мере с надеждой — носят роскошный круизный лайнер, дорогостоящая компания в области медицинского страхования, а также фирмы, занимающиеся финансовым менеджментом и аэрокосмическим приборостроением. В честь Магеллана была названа миссия НАСА на Венеру. В последней главе этой книги приведены еще более странные случаи использования его имени на пользу себе со стороны людей, в разной степени невежественных

или малозначительных. Судя по количеству компаний и проектов, носящих название «Магеллан», он кажется подходящим символом.

Между тем список его провалов почти не уступает списку названий, данных в его честь. В ходе путешествия, сделавшего его знаменитым, большая часть кораблей была утрачена, а все его подчиненные, кроме горстки уцелевших, погибли или были оставлены на чужих берегах. Доход, якобы полученный экспедицией, — не более чем миф. Магеллан даже не добрался до своего предполагаемого места назначения. В своих попытках найти кратчайший путь от Испании до островов Пряностей он не просто провалился, а настаивал на провале, когда он стал уже практически очевиден. Его амбиции — заполучить доходное имение — пошли прахом, потому что он наделал чудовищных ошибок. Он никогда не задумывался о кругосветном путешествии (и не совершил его), однако общее мнение продолжает приписывать ему этот успех. Путешествие Магеллана в глазах его почитателей имеет универсальную значимость, как первая передача радиосигнала или первая высадка человека на Луну: путешествие считается вкладом в развитие науки, а не демонстрацией грубой силы и материальной эксплуатацией — такой же, как у большинства других покойных белых исследователей.

Его намерения были имперскими, однако Магеллан пока что избег постколониального пересмотра и мести. Его действия, пусть храбрые и решительные, были ничуть не менее кровавыми и разрушительными, чем у большинства последовавших за ним конкистадоров. Но он умер, не успев основать какую-либо колонию, и это явилось очередным его провалом. В результате в отличие, например, от Колумба или Кортеса он оказался вне критических стрел антиимпериалистов. Из всех славных или некогда славных европейских исследователей времен «века экспансии» Магеллан кажется самым подходящим героем — или хотя бы менее очевидным злодеем — в нашу постколониальную эпоху политически корректных исследований.

Во многих отношениях он заслуживал той высокой оценки, которую получил. Среди его выдающихся качеств можно назвать

бесстрашие, целеустремленность, способность переносить трудности и приверженность благородной, рыцарской манере поведения, о которой он много читал и которую хорошо усвоил. Кроме того, он обладал трудноуловимой, но очевидной харизмой, которая завоевывала ему преданность друзей и последователей в моменты опасности и трудностей — чего-чего, а этого в его жизни хватало. В его жизни, как мы увидим, можно найти множество причин, почему отважные исследователи заслуживают свою славу, даже если в их адрес выдвигаются настойчивые и анахронистические обвинения.

Но те, кто восхваляет Магеллана или пытается воспользоваться его славой, не знают, кем он был на самом деле. Им стоит поразмыслить лучше. Наиболее важные причины воздавать ему хвалу (о которых пойдет речь на этих страницах) отодвинуты в сторону причинами ложными. А человек, заинтересовавшийся Магелланом благодаря происходящим по всему миру празднованиям, которые достигли своего апогея в 2022 году, возможно, захочет отринуть мифы, найти правду и узнать больше о жизни путешественника и о его времени.

Источники не позволяют написать достаточно личную биографию, подобную жизнеописаниям Колумба или Веспуччи, потому что от Магеллана осталось мало его документов. Однако на страницах этой книги я постарался как можно тщательнее проанализировать все доступные нам тексты. В результате, как я считаю, мне удалось продемонстрировать личность Магеллана в большей степени, чем кому-либо из моих предшественников. В частности, я раскрываю развитие его характера, изменившегося со временем, а также указываю на остававшиеся доселе незамеченными источники, повлиявшие на его самовосприятие и послужившие ему образцом в формировании тех ценностей, что определили его временами непостижимое и путаное поведение. Его поступки, насколько можно о них судить по противоречивым повествованиям, описаниям и оценкам его современников, свидетельствуют о взаимодействии с миром, который его окружал; поэтому много времени я потратил на изучение контекста — начиная с мира,

каким тот был во время Магеллана, во всяком случае в тех частях, где он жил, сражался и путешествовал.

Поскольку с уверенностью сказать нельзя почти ничего, а не самые достоверные предположения, мифы, умозаключения и прямая ложь закрепились в исторической традиции, я буду пытаться постоянно напоминать читателю о доказательствах и предлагать не соглашаться со мной, если я делаю предположение на основании собственного воображения и интуиции. Однако я должен отметить, что мои допущения основаны на доказательствах и опираются на длительное изучение темы. Впервые я начал работать с относящимися к делу источниками при редактировании *The Times Atlas of World Exploration* («Атласа Великих географических открытий *The Times*») около 30 лет назад. Я не работал для этой книги над главами, в которых фигурирует Магеллан, и сейчас не подписался бы под всем, что в ней сказано на эту тему. Но тот опыт разжег во мне интерес, с тех пор неугасимый. К истории Великих географических открытий я обращался постоянно и сейчас именно в общем контексте пытаюсь понять, что именно сделал Магеллан и до какой степени это имеет значение для современного мира.

По традиции всех предисловий я должен отчасти прибегнуть к самооправданиям. В некоторых местах, отраженных в тексте и критическом аппарате, я превысил обычные полномочия ученого, превратив косвенную речь в диалог. Надеюсь, привередливые читатели поймут, что в каждом подобном случае такой разрыв с научной традицией оправдан и что это позволяет оживить свидетельства и способствует лучшему пониманию событий. В главе 1, особенно при описании плаваний Магеллана по Индийскому океану и к берегу Суахили, я во многом основывался на своей предыдущей книге «1492». Настоящая книга главным образом писалась во время пандемии 2020–2021 годов, так что мне приходилось часто находиться в изоляции, что не всегда позволяло получить доступ к лучшим изданиям всех текстов. В подобных случаях я привожу в критическом аппарате как текст, которым пользовался в работе, так и более авторитетный его

вариант, с которым впоследствии смогу при случае сравнить собственный источник. Переводил источники я сам во всех случаях, кроме отдельных оговоренных; однако, цитируя переводы рассказа Антонио Пигафетты о кругосветном путешествии, я использовал (опять же помимо отдельно указанных случаев) замечательную работу своего коллеги Теодора Кэчи. Он работал с изданием 1987 года, которое подготовила на основании самой авторитетной рукописи известная поэтесса и критикесса Мариароза Масоэро (сам я не имел возможности свериться с этим изданием); я сравнил перевод со знаменитым изданием Мосто и включил в сноски перекрестные ссылки.

Постоянно сталкиваясь с написаниями «Магеллан», «Магалланес», «Магальяеш», трудно сохранить последовательность в передаче имен. Вариант «Фернан Магеллан» по меньшей мере имеет то преимущество, что знаком читателям во многих странах мира и исключает возможные стычки между испанскими и португальскими исследователями. За исключением имен испанских монархов (которые передаю в кастильском варианте по причинам, изложенным далее), я использую английские варианты имен. Для географических названий, изменившихся в ходе деколонизации, я привожу новые варианты при первом упоминании.

Было бы невозможно написать эту книгу в столь неблагоприятных обстоятельствах без предварительной работы издателей источников, указанных в критическом аппарате. Особенно я хочу поблагодарить тех, кто много работал над публикацией в интернете свежих и точных расшифровок или факсимиле хорошо известных документов, прежде всего Кристобалья Берналя, Томаса Масона и Браулио Васкеса, а также их верных сотрудников в соответствующих архивах. Исследования, проведенные такими специалистами, как Ф. Борха Акинальде, Сальвадор Бернабеу, Хосе Мануэль Гарсиа и Хуан Хиль, дали в последние годы новые важные свидетельства или угол зрения. Иногда я не соглашаюсь с их интерпретациями, но без их трудов не было бы этой книги.

Я хочу также поблагодарить Гвидо ван Меерсбергена, благодаря которому появилась идея написания этой книги; Тессу

Дэвид, которая убедила меня эту идею реализовать и дала ценные советы по поводу того, как это сделать; Эндрю Гордона, который благородно разрешил мне работать на сей раз с другим, конкурирующим агентом; Майкла Фишвика, Нильса Хупера, Франсиско Рейнкинга и Элизабет Магнус — самоотверженных и проницательных редакторов; а также Себастьяна Арместо, Теодора Кэчи, Джойс Чаплин, Криса Лэйна, Мануэля Лусену Хиральдо, Линкольна Пэйна, Карлу Ран-Филлипс и Санджая Субрахманьяна, которые были так любезны, что прочли эту книгу в черновиках полностью или частично и оказали мне большую помощь, указав на очевидные ошибки. Все возможные оставшиеся фактические несоответствия и неудачные выражения только на моей совести. Я благодарен коллегам, студентам и персоналу Университета Нотр-Дам за создание прекрасной среды для обучения и преподавания, а в особенности — сотрудникам Хесбургской библиотеки за то, что, несмотря на вирус, охвативший мир в период моей работы, они продолжали снабжать меня материалами. Эта книга не воспекает «великих людей», но у нее есть свои герои.

*Калворт, Нортгемптоншир — Нотр-Дам, Индиана
Январь 2020 — август 2021*

1

МИР ВОКРУГ МАГЕЛЛАНА

Мир с 1492 по 1521 год

И открылись источники моря, обнажились основания вселенной от грозного гласа Господа, от дуновения духа гнева Его.

2 Цар. 22: 16

«Пиши о том, что знаешь», — говорил Роберт Грейвс, который сам редко следовал собственной максиме. Эта фраза стала шиблетом для преподавателей литературного творчества, но при этом она кажется постыдной: слишком легкой, беспроблемной, ограниченной, нацеленной исключительно на успех. Напротив, неведомое притягивает как магнит: это приглашение к решению вечных запутанных проблем, соблазн отступающего горизонта, манивший Магеллана. Все это дало ему возможность придумать себе совершенно неправдоподобные истории, в соответствии с которыми он и пытался поступать в жизни. В грязных и пыльных классах, увешанных педантичными схемами, история — это «только факты». Для меня факты — лишь сырье для проблем, в первую очередь проблем нерешаемых, которые ускользают от тебя каждый раз, когда подступаешь к их решению.

Думаю, что о Магеллане я знаю столько, сколько вообще может знать современный человек. Я могу указать на противоречия в источниках. Я могу обвинить своих предшественников в ошибках и разобраться в хронологических неувязках. Я могу обратить внимание на самые разные детали, связанные с Магелланом: например, как и предыдущие исследователи, я знаю, сколько именно стрел (21 600) и магнитных игл компасов (35) фигурирует

в описании кораблей Магеллана, сколько он взял с собой песочных часов (18 штук), бочонков с анчоусами и тонн хамсы [1].

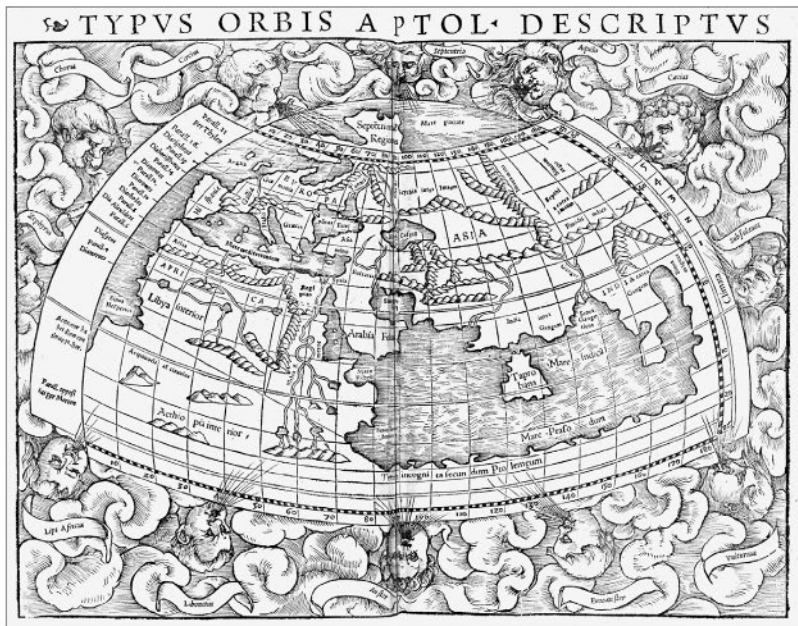
Я также считаю, что знаю — или с уверенностью могу предположить — многое о его внутреннем мире: о трагически непомерных амбициях, героическом самообмане, постоянно досаждающем чувстве собственной правоты, несколько извращенном чувстве юмора. Все это будет отражено на следующих страницах. Я могу описать то, как со временем менялся его характер, и воссоздать странную религиозную экзальтацию, сопутствовавшую ему в смерти. Но кое-что от меня все же ускользает. Магеллан был одним по меньшей мере из 150 человек, погибших во время его путешествия. Если вывести за скобки тех, кто выжил благодаря тому, что был оставлен по дороге или попал в плен, то уровень смертности составит около 90 %. Даже по стандартам того времени, когда чрезмерно оптимистичные путешествия часто заканчивались провалом, проект Магеллана выходит за всякие рамки. Объективно говоря, шансы не просто на успех, но даже на выживание были минимальными. Как мы увидим, за отданные жизни не последовало никакой компенсации. Несмотря на уверения предыдущих историков, баланс доходов и расходов не сошелся. Путешествие под руководством Магеллана не выполнило ни одной из заявленных целей.

Почему же такое чудовищное предприятие показалось привлекательным не только тем, кто непосредственно рисковал своей жизнью, но и пайщикам, вложившим в него свои деньги? Не уверен, что понимаю это или вообще могу понять. Жизнь в то время ценилась дешево, и причины этого во многом очевидны — со временем мы до этого дойдем. «Поднять паруса, — писал Луис де Камознс, много путешествовавший поэт, описавший в 1572 году в стихах португальскую историю мореплавания, — необходимо. Остаться в живых? Это уже излишне» [2]. Почему такое искажение здравого смысла могло казаться разумным? Почему жизнями моряков можно было пренебрегать — в гораздо большей степени, чем чьими-либо еще? Почему Магеллан и некоторые из его подчиненных продолжали упорствовать,

даже когда перспективы становились все более мрачными? Что побуждало короля Испании и прижимистых купцов из Севильи и Бургоса верить в Магеллана? Почему они выложили деньги по предложению человека, который имел репутацию предателя, не обладал должным опытом, а его приятель-ученый Руй Фалейру, если бы его обследовали современные психиатры, был бы попросту признан сумасшедшим?

Чтобы разрешить эти проблемы, следует прежде всего попытаться разобраться в возможностях и ограничениях мира, в котором жил Магеллан.

Этот мир был полон парадоксов. В любом учебнике вы прочтете, что век Магеллана был «эпохой экспансии», временем поразительных новых открытий. В Европе в эпоху Возрождения началось обращение к античной классической традиции, которая готовила умы к новому искусству, новой философии, новым поискам и которая распространилась почти на весь земной шар, включая известные части Америки и Экваториальной Африки. Это было первое действительно глобальное интеллектуальное направление [3]. Когда Магеллан вышел в море, стала подавать первые признаки так называемая научная революция. Она позволила Западу, прежде отстававшему от Востока, поравняться с ним, а в некоторых отношениях (примерно в течение следующих 100 лет) и превзойти китайскую науку и технологии. Тем временем глобальный экологический обмен разбросал биологические виды по всему прежде разделенному миру: в новом окружении оказались люди, животные, растения и микробы. Историческая традиция упорно утверждает, что время Магеллана приблизительно совпало с «истоками современности»: распределение мировых религий и их деноминаций стало обретать современные очертания; некоторые из самых распространенных современных языков и литератур стали обретать форму, понятную и современным читателям. Крупнейшие мировые цивилизации — христианский, исламский и буддистский мир — стали расширяться в прямом смысле, обретать все новые территории и людей, тянуться

Индийский океан, где в 1505 году начались морские приключения Магеллана, в то время был богатейшим в мире центром коммерции. Вплоть до 1490-х годов на большинстве европейских карт мира XV века Индийский океан изображался замкнутым и недоступным по морскому пути из Европы, за что следует сказать спасибо влиянию «Географии» чрезвычайно почитаемого в то время космографа II в. н. э. из Александрии Клавдия Птолемея. Толкования его текстов определяли взгляды самых образованных европейцев конца XV века, как видно по данному примеру из «Космографии» Себастьяна Мюнстера: карта была создана в 1480-х годах, но перепечатывалась вплоть до 1550-х, притом океан по-прежнему показывался со всех сторон окруженным сушей. Ангелочки-путти дуют на мир с покрытого облаками небесного свода. Магеллан сохранил элементы описания Птолемея, включая полуостров к востоку от Индии, здесь помеченный как «India extra Gangem» («Индия за Гангом»), и остров Тапробана, примерно соответствующий современной Шри-Ланке. Испанские космографы утверждали, что меридиан большого залива, подписанного «Sinus Gangeticus» («Гангский залив»), служит разграничительной линией для зон навигации, согласованных между Испанией и Португалией. Библиотека Джеймса Белла Форда, Университет Миннесоты

навстречу друг другу в культурном смысле, распространять конфликты, коммерцию, контакты — и контактные инфекции.

Как все это могло произойти в тот период, который был, помимо прочего, эпохой чумы и холода? [4]

Казалось бы, странно было бы ожидать масштабных миграций, долгих походов или взрыва изобретательности в условиях общей суровости природы [5]. Климат и эпидемии задают контекст всего происходящего, причем климат имеет первостепенное значение, так как от него зависят болезни. Жизнь Магеллана пришлось примерно на середину одного из самых резких периодов прекращения глобального потепления со времен так называемого позднего дриаса (почти 12 000 лет назад). «Малый ледниковый период», продлившийся с середины XIV до начала XVIII века, причинил серьезный и вполне измеримый ущерб тем обществам, которые затронул: голод, частые войны, восстания, эпидемии. Холоднее всего было к его концу, что породило рассказы об ужасном оледенении всего подряд: от бороды французского короля до целых соленых морей [6].

Во время карьеры Магеллана даже близко не было таких суровых условий или событий, а в первой половине XVI века температура, судя по всему, была более умеренной, чем до или после этого времени. Тем не менее в тех частях мира, для которых доступны количественные данные, весенние и зимние температуры были, как правило, в среднем на 1–2 °C ниже, чем мы считаем нормальным сегодня (судя по средним значениям первой половины XX века) [7]. Как мы увидим, команда Магеллана постоянно жаловалась на холод и по этой причине угрожала мятежом.

Холоду сопутствовали постоянные вспышки смертельных заболеваний [8]. В то время люди называли все такие болезни чумой, объединяя в этом термине болезни, связанные со сложной экологией, блохами (переносчиками патогенов) и грызунами (их хозяевами) [9]. Все эти болезни приносили неисчислимые страдания. С середины XIV до начала XVIII века (то есть в период, соответствующий малому ледниковому) никого в Европе не избражали с той же частотой, как Мрачного Жнеца при исполнении

своих смертоносных обязанностей, выбирающего партнера по жуткому танцу без оглядки на возраст, пол или внешность [10]. В 1493 году, незадолго до того, как Магеллан стал пажом при португальском дворе, в «Нюрнбергской хронике» появился примечательный текст под изображением танцующих мертвецов в разной степени гниения. Они радостно демонстрируют разлагающуюся плоть и трясут костями, не обращая внимания на пожирающих их червей и выпадающие внутренности.

Ничто не может помешать их веселью. Так и хочется сказать, что мертвецы показывают *joie de vivre* — радость жизни. В тексте есть слова песни, под которую трупы поднимаются из могил: «Нет ничего лучше Смерти». Смерть справедлива, поскольку ожидает всех. Смерть милостива, потому что избавляет стариков от горестей. Посещая узников и больных, Смерть соблюдает заповеди Христа. Смерть милосердно освобождает жертв от страданий. Смерть мудро презирает земные блага и тщеславие обладающих властью и богатством.

Когда эпоха чумы отступила, Смерть стала менее знакомой, и оттого, по всей видимости, ее стали меньше бояться. Сейчас смерти стараются избегать. О ней говорят эвфемизмами: «возлюбленный... скончался». Магеллан и его современники были знакомы со смертью не понаслышке, так что нам трудно их понять.

Постоянно возвращающиеся эпидемии в какой-то мере бросают вызов нашим представлениям о том, что их вспышки дают уцелевшим иммунитет. Однако противоречие может разрешить высокий темп микробных мутаций. Причиной многих, если не большинства эпидемий служила *Yersinia pestis*. В бактериях чумы, сохранившихся в ДНК жертв чумы разных эпох, имеются и небольшие, и значительные ее вариации [11]. Однако неизменным оставалось одно: хотя причины, по которым преобладавшие в то или иное время штаммы бактерий так реагировали на изменение температуры, остаются неизвестными, несмотря на большое количество работ на эту тему, связь с похолоданием можно считать установленной. «Черная

смерть» 1348–1350 годов последовала за понижением температуры в Северном полушарии. Отступление чумы совпало с возобновлением глобального потепления [12].

Во взрослые годы Магеллана чума никуда не отступала, хотя население в Европе росло. В Англии произошли три вспышки «великой чумы», или «великого мора», только за два первых десятилетия XVI века. Судя по частоте, с которой городской совет Эдинбурга принимал карантинные меры вплоть до того, что мы назвали бы сейчас «локдауном», город с 1498 по 1514 год так и не избавился от чумы [13]. В Лейпциге в 1521 году знахари готовили «первые в истории Германии брендовые лекарства» именно от чумы [14]. В 1520 году в Базеле собралась настоящая международная медицинская конференция по вопросу мер ее предотвращения.

На Пиренейском полуострове во время самой суровой за время жизни Магеллана зимы 1505/06 года чума пришла в Эвору, Лиссабон, Порту и Севилью. В Барселоне эпидемии фиксировались в 1501, 1507, 1510 и 1515 годах. Эпидемии 1507 и 1510 годов распространились по всему восточному побережью Испании вплоть до запада Андалусии. Годы с 1507-го по 1509-й были, по некоторым данным, самыми смертоносными со времен «черной смерти». Вспышка 1507 года убила одну десятую всех каноников Кадисского собора, а андалусский священник и усердный летописец Андрес де Бернальдес утверждал, что только в мае случилось 30 000 смертей. Годом ранее из-за обвинений евреев в распространении чумы произошел погром в Лиссабоне [15]. Пока Магеллан плывал, чума возникла в Вальядолиде и перекинулась на Валенсию, Кордову и Севилью, где собирался его флот. Землетрясение 1519 года в Хативе и последовавший за этим чрезвычайно дождливый год считались современниками предвестниками новой чумы, разразившейся в Лиссабоне, Валенсии, Сарагосе и Барселоне, откуда она не уходила до 1521 года [16]. Чума и холод не затмевали и других традиционных причин страданий и смертей — например, в 1513 году засуха случилась в долине реки Гвадианы, а в 1515 и 1516 годах и на всем полуострове. В 1521–1522 годах всей Португалии угрожали засуха и голод [17].

Впрочем, в одном отношении карьера Магеллана совпала с беспрецедентно агрессивным ростом эпидемических заболеваний в мире: патогены Старого Света распространились на другие континенты наряду с иной биотой в рамках глобального экологического обмена, который спровоцировал Колумб, перевезя товары Старого Света в Новый и наоборот во время своих первых трансатлантических путешествий [18]. Прибытие испанских поселенцев (или, возможно, кого-то из последовавших за ними колонистов) на Эспаньолу в 1493 году принесло на новые территории неизвестные болезни, с которыми не смогла справиться иммунная система туземцев. Последовал резкий рост смертности, и в 1519 году монахи, которым испанская корона поручила контроль за колониями, оставили надежду на то, что аборигены останутся живы [19]. Местные жители практически полностью вымерли. Ко времени путешествия Магеллана испанцы таким образом практически истребили жителей Карибских островов и принесли эпидемии и на сушу Центральной Америки. «Дыхание испанца» разносило болезни так эффективно, что уровень смертности доходил до 90 % [20]. Жизнь ценилась дешево не из-за того, что на Земле в то время жило много людей. Эра Магеллана отличалась от нас не так уж сильно, однако люди меньше ценили жизнь и гораздо больше — смерть. В те времена смерть правила бал.

Так или иначе, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, в различных отдаленных друг от друга уголках мира происходило ускорение экономической активности и территориальных завоеваний. «Век экспансии» действительно начался, но дело было не в европейской экспансии, как утверждают многие историки, а в расширении мира в целом. Мир не ожидал пассивно, пока его мановением волшебной палочки изменяют европейцы. Иные общества творили собственную магию, превращая государства в империи, а культуры в цивилизации. Вдали от постоянных эпидемий, приостановивших экономический рост в большей части Евразии, возникали государства, по сравнению с которыми